

Людмила Нодариевна ИКИТЯН / Lyudmila IKITYAN

| Ценностные смыслы в провокативном преломлении, или речевые манипуляции героев Л. Андреева и И. Эренбурга («Дневник Сатаны» и «Необычайные похождения Хулио Хуренито и его учеников») / Value Provocative Meanings in Breaking, or Speech Manipulation Heroes of Leonid Andreev and Ilya Ehrenburg («Satan's Diary» and «The Extraordinary Adventures of Julio Jurenito and his disciple») |

Людмила Нодариевна ИКИТЯН / Lyudmila IKITYAN

Армянск, Россия
Кандидат филологических наук

Armyansk, Russia
PhD (Philology)
ludmilkatiran@mail.ru

ЦЕННОСТНЫЕ СМЫСЛЫ В ПРОВОКАТИВНОМ ПРЕЛОМЛЕНИИ, ИЛИ РЕЧЕВЫЕ МАНИПУЛЯЦИИ ГЕРОЕВ Л. АНДРЕЕВА И И. ЭРЕНБУРГА («ДНЕВНИК САТАНЫ» И «НЕОБЫЧАЙНЫЕ ПОХОЖДЕНИЯ ХУЛИО ХУРЕНИТО И ЕГО УЧЕНИКОВ»)

В процессе межличностной коммуникации раскрывается социокультурный облик участников диалога. В речи общающихся проявляют себя самые разные факторы, в том числе и факторы влияния, оказанного на коммуникантов. В статье случаи негативного манипулятивного воздействия на систему ценностных ориентиров человека рассмотрены на примере романов «Дневник Сатаны» Л. Андреева и «Необычайные похождения Хулио Хуренито и его учеников» И. Эренбурга. Герои этих произведений характеризуются как герои-провокаторы, речемыслительная деятельность которых направлена на формирование особого типа коммуникативных отношений.

Исходной стала мысль о манипулятивности как проблеме, выходящей далеко за рамки субъект-субъектных отношений и затрагивающей глубинные онтологические слои существования человечества. В рамках манипулятивной игры героев-провокаторов Андреева и Эренбурга деструктивному воздействию подвергаются прежде всего артефакты христианской аксиологии, общие для европейской ментальности. Механизмы её «подновления», искажения и варьирования при воздействии на когнитивную и поведенческую сферы носителей этой культуры выявляются как основные. Проблемной выявляется ситуация некритического восприятия транслируемых ложных мыслей вос-

принимающей стороной, ответственность которой за расшатывание системы ценностей писателями не умаляется.

Ключевые слова: ценность, художественная провокация, герой-провокатор, литература первой трети XX века, речевые манипуляции, коммуникация, факторы влияния, Леонид Андреев, Илья Эренбург.

VALUE PROVOCATIVE MEANINGS IN BREAKING, OR SPEECH MANIPULATION HEROES OF LEONID ANDREEV AND ILYA EHRENBURG («SATAN'S DIARY» AND «THE EXTRAORDINARY ADVENTURES OF JULIO JURENITO AND HIS DISCIPLER»)

In the process of interpersonal communication socio-cultural image of participants in the dialogue is revealed. In the article the cases of manipulative negative impact on the system of values of man were considered on the example of Andreev's novels «Satan's Diary» and Ehrenburg's «The Extraordinary Adventures of Julio Jurenito and his disciples». The heroes of these works are characterized as speech provocateurs. Thinking activities are aimed at the formation of a special type of communication relationship.

Людмила Нодариевна ИКИТЯН / Lyudmila IKITYAN

| **Ценностные смыслы в провокативном преломлении, или речевые манипуляции героев****Л. Андреева и И. Эренбурга («Дневник Сатаны» и «Необычайные похождения Хулио Хуренито и его учеников») / Value Provocative Meanings in Breaking, or Speech Manipulation Heroes of Leonid Andreev and Ilya Ehrenburg («Satan's Diary» and «The Extraordinary Adventures of Julio Jurenito and his disciple») |**

The manipulative game is a problem that goes far beyond the subject-subject relations affecting the deep layers of the ontological existence of mankind. As a part of the manipulative games Andreev and Ehrenburg's provocateurs heroes deconstruct the artifacts of Christian axiology common to the European mentality.

Key words: value, artistic provocation, provocateur hero, literature of the first third of the XX century, speech manipulation, communication, the impact of factors, Leonid Andreyev, Ilya Ehrenburg.

Аксиологический подход к изучению социокультурных феноменов одним из своих объектов полагает совокупность норм-регуляторов общества и систему ценностей, гармонизирующих взаимоотношения его субъектов. Связи между людьми устанавливаются в различных коммуникативных практиках, социальный смысл которых для человека общающегося – homo communicandi – состоит в том, чтобы организовать «людей для совместной деятельности»¹. При этом в процессе межличностного общения раскрывается и социокультурный облик коммуникантов. Понимание того, «кто с кем, по какому поводу и как общается»², обнажает комплекс субъективно-личностных качеств участников диалога: их характеры, образ мышления, интересы и склонности, цель и мотивы поступков³. В психоконтексте индивидуума, явленном в процессе его общения с другими, также обнаруживают себя ощущаемые человеком факторы влияния, на основе которых при стечении определённых обстоятельств или в конкретных целях могут быть выработаны механизмы сознательной регуляции поведения человека для реализации самых неожиданных для него «сценариев».

Так являет себя и обозначается в довольно острой форме проблема воздействия на социум: изменения устоявшихся форм сосуществования его субъектов, всевозможных провокаций и наущений. На всех уровнях общения в сфере как локальных речевых актов, так и глобального информационного потока большой удельный вес обретают речевые манипуляции. К этой проблеме сегодня учёные обращаются охотно: в науке о языке (например, коммуникативной лингвистике, лингвопрагматике, нейролингвистике и т. п.) – с завидным постоянством; в культурологии и философии – устойчиво и, конечно, в комплексе со специфичными для этих сфер знания вопросами; в области же функционирования языка в границах художественного текста – реже и менее последовательно. При этом художественная литература даёт массу примеров ситуации общения, воспроизводимой классиками с высокой степенью «психологической» точности⁴ и в многообразии модификаций. Принимая литературу как отражение жизни с присущими ей формами коммуникации, полагаем, что определённые формы речевого поведения литературных персонажей заслуживают более пристального внимания.

Может показаться, что проблема речевого манипулятивного поведения человека (персонажа) находится в плоскости сугубо межличностной, то есть существует исключительно в плане субъект-

¹ Ломов Б. Ф. Проблема общения в психологии // Ломов Б. А. Методологические и теоретические проблемы психологии. М., 1984. С. 261.

² Там же. С. 259.

³ Там же. С. 259.

⁴ Там же. С. 259.

Людмила Нодариевна ИКИТЯН / Lyudmila IKITYAN

| Ценностные смыслы в провокативном преломлении, или речевые манипуляции героев Л. Андреева и И. Эренбурга («Дневник Сатаны» и «Необычайные похождения Хулио Хуренито и его учеников») / Value Provocative Meanings in Breaking, or Speech Manipulation Heroes of Leonid Andreev and Ilya Ehrenburg («Satan's Diary» and «The Extraordinary Adventures of Julio Jurenito and his disciple») |

субъектных отношений. Потому широкие культуральные «масштабы» и, более того, привязка к какой-либо из сфер общественного сознания (философии, религии, искусству и др.) этой проблеме не свойственны. Однако это – заблуждение, которое, оставшись без должных пояснений, также может (если потребуется) лечь в основу манипулятивных утверждений. В действительности же «проблема манипулятивности... затрагивает тот слой бытия, который ответствен за формирование ценностных качеств личности – чувства сакральной общности, равенства каждой личности и уважения к её правам»⁵. Подтвердить справедливость этой мысли в рамках особой в художественном процессе XX века провокативной стратегии и продемонстрировать специфику манипулятивной игры ценностными смыслами героев-провокаторов является целью нашей статьи. Объектом исследования избраны романы Леонида Андреева «Дневник сатаны» (1919) и Ильи Эренбурга «Необычайные похождения Хулио Хуренито и его учеников» (1921), в которых авторами, пожалуй, одними из первых в литературе начала XX века, провокативная линия поведения главных героев представлена последовательно и рельефно.

В коммуникативном дискурсе функционирует переносное значение слова (понятия) «манипуляция», а именно: работа с людьми (их волей и убеждениями) как объектами воздействия. В этом случае речемыслительная активность манипулятора направлена на изменение «референциальных признаков субъекта мысли – предмета или ситуации»⁶ реального объективного мира. Как вид «искусного использования определённых ресурсов языка с целью скрытого влияния на когнитивную и

поведенческую деятельность адресата»⁷ речевая манипуляция ориентирована на активизацию бессознательного и снижение уровня критического мышления человека. Обладая сложным семантико-смысловым содержанием, слово «манипуляция» всё же сохраняет устойчивую тенденцию к негативным коннотациям и, прежде всего, когда оценивается носителями языка в аксиологическом аспекте. В этом ракурсе она воспринимается исключительно как намеренное отклонение от истины (факта) в корыстных целях манипулятора. Негативные понятийно-ценностные смыслы присущи тем процессам, основу которых составляют тактики лжи, обмана, введения в заблуждение, сокрытия информации или её намеренного искажения – всех тех, что представляют для homo communicandi реальную угрозу и за которыми в современной лингвистике закреплён правовой статус языко-речевых правонарушений⁸.

В художественном тексте манипуляции являются неотъемлемой составляющей речи плутов, лжецов, мошенников и более ухищрённого психологического типа провокатора. Такой персонаж – результат художественных обобщений типичных черт героя с практической (так сказать, чичиковской) жилкой, но с более точным знанием природы человеческих взаимоотношений. Ясное понимание скрытых желаний и имманентных устремлений людей выливается в две разные по своим функциям и качеству мотивировки действий провокатора. С одной стороны, изобретательность приёмов манипулятора направлена на трансляцию заведомо искажённых сведений и дезинформацию; с дру-

⁵ Ильинова Е. Ю. Манипулятивность вымысла в русском языковом сознании // Русистика. 2008. № 8. С. 38.

⁶ Там же. С. 36.

⁷ Копнина Г. А. Речевое манипулирование: учеб. пособ. 4-е изд, испр. М., 2012. С. 28.

⁸ Голев Н. Д. Экспертиза конфликтных текстов в современной лингвистической и юридической парадигмах // Теория и практика лингвистического анализа текстов СМИ в судебных экспертизах и информационных спорах: сб. статей. М., 2002. С. 65.

Людмила Нодариевна ИКИТЯН / Lyudmila IKITYAN

| **Ценностные смыслы в провокативном преломлении, или речевые манипуляции героев****Л. Андреева и И. Эренбурга («Дневник Сатаны» и «Необычайные похождения Хулио Хуренито и его учеников») / Value Provocative Meanings in Breaking, or Speech Manipulation Heroes of Leonid Andreev and Ilya Ehrenburg («Satan's Diary» and «The Extraordinary Adventures of Julio Jurenito and his disciple») |**

гой, – на выявление ложных представлений, ставших привычными и этой привычкой нейтрализованных. Нередко действия провокатора мотивированы противоречивым комплексом ощущений и посылов, где желание вскрыть нарывы общества сопрягается с намерением его тотального уничтожения. Именно таковы по сложности интенции главных героев избранных нами для анализа произведений: последнего итогового романа Леонида Андреева и первого прозаического опыта поэта Ильи Эренбурга, признаваемого одним из лучших романов этого автора. Фигуру сотрясателя основ, изощрённого в словах и методах действий, по мнению писателей, порождает время. Отправной точкой в обоих романах стал 1914 год – поворотный в мировой истории момент, в восприятии многих современников писателей ставший годом некалендарного начала XX «века-волкодава» (О. Мандельштам). Манипуляторская игра вочеловечившегося сатаны, героя романа Андреева, завязана на идее о земном театре людей-марионеток, где князь тьмы в роли святоши-филантропа без особого труда внушает представителям рода человеческого кощунственные идеи, а те их «глотают, как мармелад»⁹. У Эренбурга Хулио Хуренито, авантюрист и мыслитель, искатель приключений и человек больших знаний и опыта, замышляет глобальный переворот жизни, а его живой ум и философско-критический взгляд на мироустройство подсказывают ему особый способ действий, более масштабный, нежели локальные взрывы бомб, и не столь топорный, как отрезание голов.

Свою миссию «апостолов» нового времени оба героя строят на основе мировоззренческой системы, «философским камнем» которой является Библия. Для новоявленных «алхимиков от Еванге-

⁹ Андреев Л. Н. Дневник сатаны: роман // Андреев Л. Н. Собр. соч.: в 6 т. Т. 6. М., 1996. С. 146.

лия»¹⁰ именно христианские постулаты становятся пресуппозитивным – предварительным аксиоматичным – компонентом речи. Герой-провокатор у Андреева непогрешимость своих суждений даже выражает в форме математических и расчётно-экономических выкладок: «Как дважды два четыре, Я доказал, что любовь к ближним – наилучшее помещение для капитала, – сообщает Вандергудсатана. – Как практичный и осторожный американец, Я указал, что нет надобности хвататься за целое Царствие Небесное..., а можно небольшими взносами и рассрочкой приобретать в нём участки»¹¹. В измышлённой героем «формуле счастья» базовым является утверждение Царствия Божия как аксиомы реальности, возможность достижения которого не вызывает сомнений. В ней также использована характерная для манипуляторов уловка, а именно, озвучивание готового варианта действий и освобождение тем самым человека от необходимости продумывать, взвешивать, делать выбор, – и всё это на приемлемых для каждого условиях. Такие формы существенно разнятся с речевыми стратегиями, не содержащими махинаторской подоплёки. Например, в традиционном для христианства толковании Царствия Божия на первом плане не приукрашенная правда о сложности праведного пути. Указание на недостаточность лишь безукоризненного соблюдения заповедей и на необходимость жертвования самым дорогим, к которому способен далеко не каждый, дано Христом в разговоре с юношей (Мк. 10:17–27). Ценностные смыслы наследования¹² вечной жизни не согласовались

¹⁰ Там же. С. 129.

¹¹ Там же. С. 143.

¹² Заметим, само слово «наследование» (Мк. 10:17) противостоит «коммерческой» лексике Вандергуда. Обратим внимание и на то, что именно на невозможность покупки места подле Бога говорит Христос в беседе с богатым юношей. На этом же Иисус акцентирует внимание и своих учеников: «Дети! как трудно *надеющимся*

Людмила Нодариевна ИКИТЯН / Lyudmila IKITYAN

| Ценностные смыслы в провокативном преломлении, или речевые манипуляции героев Л. Андреева и И. Эренбурга («Дневник Сатаны» и «Необычайные похождения Хулио Хуренито и его учеников») / Value Provocative Meanings in Breaking, or Speech Manipulation Heroes of Leonid Andreev and Ilya Ehrenburg («Satan's Diary» and «The Extraordinary Adventures of Julio Jurenito and his disciple») |

с аксиологией юноши, принадлежность которого к числу «надеющихся на богатство» (Мк. 10:24) не позволяла ему безоговорочно принять долю бессребреника. К тому же означенные Христом новые аксиологические координаты требовали кардинальной переоценки ветхозаветных представлений, в системе которых богатство служило показателем жизни добродетельной, угодной Богу. Высокая планка и неминуемые трудности в достижении желаемого (упоминания которых, безусловно, избежал бы манипулятор) Христом констатированы в известном афоризме о верблюде, не ведомо с какой целью протаскиваемого через игольное ушко (Мк. 10:25; см. также Мф. 19:24; Лк. 18:25).

Без игры аксиологическими смыслами, заключёнными в Священном Слове, не обходится ни один литературный провокатор: ни Перегрин-Протей Лукиана, ни Тартюф и Дон Жуан Мольера, ни «сладкоречивый плут» Джозеф Серфейс Шеридана, ни тем более Великий Инквизитор Достоевского. Апелляция махинаторов к Библии – одному из авторитетнейших артефактов европейской культуры, причём не только религиозной, но и светской, закономерна и естественна. Но следует помнить, что в Священном Писании представлен и ярчайший образец провокативной речевой манипуляции, стоившей человечеству Эдема. Змей-искуситель в разговоре с Евой подменяет мотивационную базу запрета Всевышнего вкушать плоды древа добра и зла, интерпретируя его не как предостережение прародителей о смерти, а как желание Иеговы скрыть от людей правду и держать их в подчинении (Бытие 3:1–7). Тем самым искуситель не только отвлекает Еву от усвоенного ею ранее (хоть и не в должной мере) истинного знания, но также, откровенно клеветая на Создателя, пробуж-

дает в ней недоверие к Богу и подпитывает стремление к самообожествлению.

Подобный пример трансформации христианских добродетелей являет герой романа Ильи Эренбурга мистер Куль – американский предприниматель, умело перерабатывающий Библию в капиталистическое «сырьё». В своих проектах по борьбе с безнравственностью Европы задачу искоренения пороков он умело подменяет приспособленчеством к их условно благовидным формам. Махинаторским целям переподчинена даже стилистика его фраз – нечто среднее между рекламой и проповедью. Например, предостережь горожан от соблазнов должны вывески на магазинах и питейных заведениях: «Не хлебом единым сыт человек», «Царство Божие внутри нас», «Блаженны алчущие»; надпись «Милый друг, не забывай о своей чистой невесте» должны быть сопровождаемы пакеты с гигиеническими принадлежностями для посетителей публичных домов; а проповедью гражданских обязанностей, коллективными молитвами за падших и пением «Марсельезы» рекомендовано венчать процедуру прилюдного гильотинирования преступников¹³. Тяга к подновлению Священных Смыслов выявляется Эренбургом как характерная черта морали мира капитала католической Европы и протестантской Америки. Так, подавив забастовку фабричных работников, мистер Куль заказывает мемориальную дощечку с несколько изменённым (но при этом одобренным пастором из Чикаго) библейским назиданием: «Богу – божье, хозяину – хозяйское»¹⁴, которое закрепляет изначальное (практически сакральное) право монополиста на эксплуатацию и является своего рода индульгенцией для него. Манипуляции мистера Куля сочетают

на богатство (курсив наш – Л. И.) войти в Царствие Божие!» (Мк. 10:24).

¹³ Эренбург И. Г. Необыкновенные похождения Хулио Хуренито и его учеников: роман // Эренбург И. Г. Собр. соч.: в 8 т. Т. 1. М., 1990. С. 232–233.

¹⁴ Там же. С. 236.

Людмила Нодариевна ИКИТЯН / Lyudmila IKITYAN

| **Ценностные смыслы в провокативном преломлении, или речевые манипуляции героев****Л. Андреева и И. Эренбурга («Дневник Сатаны» и «Необычайные похождения Хулио Хуренито и его учеников») / Value Provocative Meanings in Breaking, or Speech Manipulation Heroes of Leonid Andreev and Ilya Ehrenburg («Satan's Diary» and «The Extraordinary Adventures of Julio Jurenito and his disciple») |**

парадоксальные вещи – Библию и доллар, что сделало их незаменимыми в деле морального растления человечества, планируемом Хулио Хуренито. Ещё одним учеником-динамитом в «коллекции» Хуренито-Учителя стал босяк Эрколе Бамбучи, который «с детства всё знает и всё умеет»¹⁵, но, презируя норму, предпочитает плевать (в прямом и переносно-обобщённом смысле) и провоцирует окружающих тем, что всё делает наоборот. При этом бродяга не гнушается использовать любые средства, что при малой затрате сил гарантировали бы ему сносное и не обременённое смыслом существование. В разгар мировой войны, воспринятой героем вначале весьма патриотично, он всё же настойчиво ищет способ уйти от мобилизации. Всё заканчивается спекулятивной продажей чудодейственных образков, высоко оценённой дельцами от Церкви, представителями самого Ватикана. Так, подлогом обретя монашеское имя и получив место в лавке церковных товаров, Эрколе Бамбучи – бродяга в монашеской рясе – стал образом-квинтэссенцией войны за выживание.

Ситуация «наоборот», точнее, «навыворот» – намеренное уменьшение степени правдоподобности (истинности) фактов речи – нередко сопровождается сменой внешнего облика персонажа. Переодевание, смена биографии или сокрытие своего прошлого, изменение мимики, жестов, всего поведения на людях типичны для исследуемого нами феномена. Искушение не приходит открыто, оно носит маску добродетели. Провокатор не начинает конфликт открыто, более того, тактика манипулятора не полагает прямой конфликтности, она имплицитно присутствует в его действиях, интонации и, конечно же, в словах-вызовах, парадоксах или недосказанностях и умолчаниях. Наиболее эффективными в своей провокативной направленности выявляются те измышления, что формули-

¹⁵ Там же. С. 275.

руются в соответствии с законами логической последовательности и в своей формальной правильности не противоречат порядку изложения мысли. При этом утверждаемые таким образом ценности по сути превращаются в антиценности, достигаемые путём *reductio ad absurdum* – доведения идеи до абсурда. В романе Эренбурга этот приём раскрыт в кодексе гуманного убоя людей, состоящего из 1713 (!) правил. Наличие такого кодекса, преследующего, разумеется, исключительно благие цели, – факт прямой авторской иронии. Этот «регулятор человеколюбия» – одна из знаковых идейно-психологических форм существования общества, изображение которой в череде множества подобных, не менее абсурдных, ярко демонстрирует суть набивших сегодня оскомину «европейских ценностей». Такие критерии гуманности обескураживают и без того потерянного в мире сложных отношений одного из наиболее рефлектирующих учеников Хуренито, заражённого вечной русской хандрой, Алексея Спиридоновича Тишина. Став на войне убийцей, он не может уразуметь, что тип пули может несколько «облагородить» факт убийства: «Если пуля не дум-дум, то вы поступили, не нарушая правил гуманности», – заключают адепты человеческих способов убоя людей из Международного общества друзей и поклонников мира¹⁶. Нивелирование же самого понятия гуманности и абсурдизация разумных механизмов регуляции социального поведения человека размывают цивилизационные принципы сосуществования людей.

Однако чудовищность ситуации манипулирования не исчерпывается фактом искусственного «раскручивания» человека на немислимые им действия и реакции. Языковое общение в целом и речевые манипуляции в частности возможны лишь при подобии установок у говорящего и слушающего. Манипулятивные технологии успешны только

¹⁶ Там же. С. 347.

Людмила Нодариевна ИКИТЯН / Lyudmila IKITYAN

| **Ценностные смыслы в провокативном преломлении, или речевые манипуляции героев****Л. Андреева и И. Эренбурга («Дневник Сатаны» и «Необычайные похождения Хулио Хуренито и его учеников») / Value Provocative Meanings in Breaking, or Speech Manipulation Heroes of Leonid Andreev and Ilya Ehrenburg («Satan's Diary» and «The Extraordinary Adventures of Julio Jurenito and his disciple») |**

при согласованности интенций одного с ценностями другого. Близость устремлений людей в их общении друг с другом выявляется в различных формах «отражения объективной действительности» и сводится «к ощущениям, восприятию, памяти, мышлению, к эмоциональным состояниям и т. д.»¹⁷. Предпосылкой «одинаковости ощущений людей» обуславливается новое качество процесса общения, в ходе которого выявляется, что «говорить, значит не передавать свою мысль другому, а только возбуждать в другом его собственные мысли» (А. Потебня). Следовательно, наши страхи, сомнения, а также тайные желания и скрытые намерения, в обычной жизни сдерживаемые моралью, общественными установлениями, совестью, выявляются скрытым ресурсом провокатора. Поэтому то, что провокации героев романов Андреева и Эренбурга всегда удаются, – весьма тревожный сигнал. Как и факт того, что единственное, что может противостоять подстрекательству, это более значительная провокация, поглощающая провокацию мелкого масштаба. Вандергуд-сатана, окончательно вочеловечившийся и стяжавший гамлетовский комплекс сомнений и рефлексий, стал доступен для психологических манипуляций со стороны Фомы Магнуса, человека, уязвленное самолюбие которого жаждет отмщения. Магнус возомнил себя Саваофом, очищающим землю от погрязшего в грехах человечества. Но его душевный порыв, в какой-то момент возвышающий своего носителя в его нетерпении к неправде мира, не героичен, ибо меры и средства реализации этого меркантильны.

Современный мир породил ряд сценариев политического, информационного, культурного и

прочие манипулирования человеческим сознанием. Авантюры по «перековыванию» человека по своему усмотрению стали соблазнительны не только для отдельных лиц или сообществ, но и целых государств и трансгосударственных объединений. А «превращение индивидуального бытия из высшего дара в средство манипуляций той или иной силой или социальной группой предельно драматизировали проблему смысла жизни человека и его места в Универсуме»¹⁸. В своих романах Л. Андреев и И. Эренбург прибегают к созданию сложной системы коммуникативного взаимодействия героев. Текстовое пространство романа о «великом провокаторе» Эренбурга составляют развёрнутые проспекции и ретроспекции рассуждений Хулио Хуренито, наставника «учеников», а по сути неосознанных соучастников его махинаций. В романе Андреева представлен комбинированный тип словесных столкновений: открытый – между Вандергудом-сатаной и жителями Европы и скрываемый до срока, ставший ответом на обманную игру вочеловечившегося сатаны, – между Фомой Магнусом и Вандергудом. Механизм манипуляций в обоих романах прост: обещать людям чудо в виде неких благ, но не явить его, и этим «взорвать» человека. Перспективы этого «динамита», над созданием которого усердно трудятся главные герои со своей «свитой», весьма велики. Его базовый принцип составляет подтасовка (и не в последнюю очередь средствами языка) истинного знания – замена Высшего Закона его патологической противоположностью, доведение его до абсурда и дискредитация.

¹⁷ Ломов Б. Ф. Проблема общения в психологии // Ломов Б. А. Методологические и теоретические проблемы психологии. М., 1984. С. 259.

¹⁸ Лазарев Ф. М., Трифонова М. К. Философия : учеб. Симферополь, 1999. С. 31.

